

Модуль II. Лекция 14

Тема: Лакуна в системе культурологического знания: исследовательские программы

1. Герменевтический, лингвокогнитивный, лингвистический подходы к изучению лакуны
2. Исследовательские программы лакуны в переводоведении, этнопсихолингвистике, лингвокультурологии, философии постмодернизма

1. Герменевтический, лингвокогнитивный, лингвистический подходы к изучению лакуны

Понятие «лакуна» в отечественной и зарубежной теоретической науке трактуется неоднозначно. Существуют различные типы построения этих определений, которые привели к поляризации точек зрения.

Исходным значением латинского слова *lacuna* было промежуток, депрессия, отверстие, пропасть. Понятие лакуны рассматривается в Большом иллюстрированном словаре иностранных слов как «пробел, пропуск, недостающее место в тексте». Лакуна, как отмечается в новом лексиконе Вэбстерского словаря английского языка, есть разница во взглядах и идеях. Постепенно расширяясь, оно распространилось на всю сферу деятельности человека. В результате им стали именовать любой пробел, пропуск, что вело к абсолютизации того или иного частного значения данного понятия.

Наука не может довольствоваться констатацией многозначности этого термина. Вместе с тем, несмотря на многочисленные споры и несогласия, исследователей объединяло то, что они рассматривали лакуну как без эквивалентную лексику.

Взгляд на лауну как на лингвистическую категорию не позволял ответить на эти вопросы. Поэтому в понимании самостоятельного статуса существования лауны и ее определения не было единства. Как следствие все чаще возникали сложности в дифференциации этого понятия от близких ему (например, «реалия», «ксеноним») и в подборе адекватных методов исследования.

В результате, во-первых, всю совокупность познавательных процессов, опосредующих понимание и интерпретацию в межкультурной коммуникации стали обозначать термином «герменевтика»; во-вторых, стали все чаще упоминать когнитивный компонент межкультурной компетенции – умение адекватно и эффективно вести себя в межкультурной ситуации; в-третьих, анализировали эмпирические факты проявления лауны в межкультурном взаимодействии. Именно поэтому изучение лауны с позиций синтеза герменевтического, лингвокогнитивного, культурологического подходов обладает большим потенциалом для исследователей самых разных школ и направлений лаун.

В рамках герменевтического подхода выделяют приемы и методы интерпретации текста. Проблема лаун тесно переплетается с представлениями В. Дильтея, Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана, А.Ф. Грязнова, Х.Г. Гадамера о герменевтике, о понимании. Этот подход делает акцент на герменевтическое понимание лауны, основанное на психологической интерпретации, которая представляет собой непосредственный, интуитивный процесс постижения смысла. Н. Н. Михайлов, поддерживая идеи Г. Р. Яусса, предлагает модель интерпретации, включающую три уровня, отражающую три стадии рецепции текста читателем: понимание – интерпретация – применение. Г. Р. Яусс приводит теорию «политического бессознательного» Фредерика Джеймсона, согласно которой изучение социопсихологических аспектов интерпретации

художественного текста сводится к конструированию символического подтекста – своего рода «вторичного текста», который пронизывает первичный, выходя на поверхность в некоторых точках, называемых «симптоматическими», через коннотации, акцентирование или недомолвки, которые читатели могут эксплицировать. Это и побуждает нас обратиться к релятивистской позиции, согласно которой язык, на котором мы говорим, особенно структура этого языка, определяет особенности мышления, восприятия реальности, и выступает общей базой, позволяющей объективировать способы понимания. Поэтому люди одной культуры, одного этноса могут понимать то, что для людей иной культуры требует дополнительного истолкования. Не употребляя термин «лакуна», Х. Г. Гадамер в работе «Актуальность прекрасного» подчеркивает, что коннотации, придающие слову полноту его содержания, а еще в большей мере семантические притяжение, внутренне присущее каждому слову, получают полную свободу развертывания. Возникающая из-за этого многозначность и «темнота» текста могут приводить толкователя в отчаяние. Речь идет о том, что составляет основу сложнейшего процесса понимания «иных культур» в современном мире. В связи с этим особую значимость приобретает лингвофилософская сторона данного процесса – вопросы о том, может ли лакуна быть объектом герменевтики, каким образом лакуна может воплощать и передавать содержание той или иной культуры, включая основные ценности и ее жизни.

Герменевтические предпосылки определяют познавательное отношение к лакуне. В основе герменевтического подхода к изучению лакуны лежит философская школа «неогумбольдтианства». Л. Вайсбергер развивает тезис В. Гумбольдта о языке, фиксирующем в своей структуре, в своей

лексике особое национальное мировоззрение. Эта позиция хорошо представлена гипотезой Э. Сепира и Б. Уорфа, суть которой сводится к следующему: язык обуславливает тип мышления его носителей, способ познания окружающего мира зависит от языка, на котором осуществляется мышление. В работах Э. Сепира отмечается, что лексика – очень чувствительный показатель культуры народа, и изменение значений, утеря старых слов, создание или заимствование новых – все это зависит от истории самой культуры. Языки очень неоднородны по характеру лексики. Соответственно, различия, которые кажутся нам неизбежными, могут совершенно игнорироваться языками, отражающими абсолютно иной тип культуры, а эти последние могут проводить различия, непонятные для нас.

Все вышеприведенные факты позволяют обобщить роль герменевтики в изучении лакуны, определить в качестве связующего звена релятивистской позиции, модели интерпретации Н. Н. Михайлова, философской школы «неогумбольдтианства», гипотезы Э. Сепира и Б. Уорфа.

В русле этих представлений проявления лакуны столь разнообразны, что она рассматривается с позиции не только герменевтического, но и культурологического подхода, в рамках которого решается вопрос о лакунизированной организации межкультурного взаимодействия. Специфика этого подхода определяется изучением межкультурных различий, специфики национальной культуры. Рассматривая особенности функционирования и воспроизводства культур, А.А. Белик объясняет межкультурные различия в познании и мышлении, приводя гипотезу лингвистической относительности Сепира – Уорфа. Согласно данному подходу, основанием для возникновения лакуны являются различия между культурами, складывающиеся в

процессе формирования каждой этнической культуры. Жизнедеятельность и отношения людей определяются существующими в той или иной культуре нормами, которые регулируют все области человеческого мышления и поведения и оказывают влияние на характер восприятия, оценки и межличностные отношения. Каждый субъект межкультурного взаимодействия располагает социокультурно - обусловленными «схемами» взаимодействия в своей культуре, укорененными в сознании и обуславливающими каждую интеракцию. Эти «схемы» могут в ряде случаев существенно отличаться друг от друга – подобные явные различия наблюдаются при далекой культурной дистанции. Э. Холл обозначил эту дистанцию термином «проксемика». Он подчеркивал ее социокультурную обусловленность.

Следовательно, участники межкультурной коммуникации не обладают общей системой значений. Незнакомое явление, отсутствующее в окружающей действительности и требующее развернутого пояснения, по мысли А. А. Махониной, затрудняет межкультурную коммуникацию.

По справедливому замечанию А. П. Садохина, именно различия в способах категоризации и интерпретации опыта служат основой различий между культурами. Только расширив свою сферу принятия и переработки информации, люди могут постичь систему организации чужой культуры. Человек находит менталитет «чужаков» трудным и непонятным именно из-за того, что они незнакомы с системой познания другой культуры. С одной стороны, когда индивид покидает привычное культурное окружение и попадает в другую культурную обстановку, он обязательно переживает целый

спектр новых чувств. Многие из этих чувств будут неожиданными и порой очень сильными, могут явиться причиной непонимания или даже враждебности к новой обстановке. С другой стороны, чтобы отношения с представителями чужой культуры были плодотворными, человек должен не только понимать ее на рациональном уровне, но и уметь делить с другими людьми свои чувства, т.е. воспринимать чужую культуру на аффективном уровне. Для этого необходимо знать, какие эмоциональные высказывания и реакции можно позволить себе, ведь в каждом обществе есть определенный критерий сентиментальности и эмоциональности».

Однако Л. И. Гришаева, А. В. Цурикова возражают против упрощенных попыток отыскать барьер в межкультурных различиях. Они предлагают ряд следующих факторов, препятствующих взаимопониманию в межкультурной коммуникации: беспокойство и волнение, языковые различия, этноцентризм, стереотипы, различия в интерпретации невербального поведения, подсознательное ожидание сходства и др. Тем не менее взгляды А.П. Садохина, Ю.А. Сорокина, Л.И. Гришаевой, А.В. Цуриковой на межкультурные различия достаточно близки. Их объединяет модель освоения чужой культуры М. Беннета, характеризуемая как концепция осознания культурных различий.

Действительно, у ученых было сходство установок в отношении к межкультурным различиям, их осознанию, но различие касается лишь выводов, которые делали ученые, исходя из практики межкультурной коммуникации. Мы считаем правильным общепринятое мнение о том, что лакуна как объект понимания является затруднением в общении, межкультурным различием, вызывающим сбой в коммуникации.

Аналогичной позиции придерживаются многие исследователи, которые также анализировали «отклонения» в коммуникативной

системе. Принципиально важным моментом в межкультурном обосновании лакуны были теории межкультурной коммуникации В.Г. Зинченко, Н. Винера, К.Э. Шеннона, Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, Ю.В. Петрова, А.П. Садохина, Дж. Бордена. Рассматривая кибернетическую модель коммуникации Н. Винера, В.Г. Зинченко отмечает, что в системах, подвергшимся перегрузкам, под влиянием изменившейся внешней среды могут возникать колебания и сбои. Обозначив межкультурную коммуникацию сложной коммуникативной системой, В. Г. Зинченко акцентирует внимание на такие «колебания», «отклонения», сбои, которые могут возникать на вербальном и невербальном, ментальном и языковом уровнях коммуникантов. В результате ослабляется действие «обратной связи», взаимопонимания не происходит. Вместе с тем В. Г. Зинченко опирается на взгляды К. Э. Шеннона о факторе шума в коммуникации, связанного в дальнейшем с понятием энтропии, порождаемой внешними факторами, искажающими сообщение и мешающими получить информацию приемником. По мысли В. Г. Зинченко, коммуникативные неудачи людей, говорящих на разных языках, связаны с отрицательной энтропией. В этой связи В. И. Халеева считает вполне уместным говорить о «лингвокультурных шумах», различий в лингвокультурном фоне значений соответствующих единиц.

При всей краткости положений кибернетической модели коммуникации в ней, несомненно, проступают черты иного подхода к проблеме «отклонений». В основе концепции В.Г. Зинченко лежит представление о помехе. Рассматривая виды коммуникативных помех, возникающих в процессе межкультурной коммуникации, Л.И. Гришаева, М.К. Попова выделяют со стороны участников общения физиологические, языковые, поведенческие, психологические и культурологические. Вслед за Л.И. Гришаевой и

М.К. Поповой, идеи о возникновении помех в межкультурной коммуникации развивает В.Н. Дулганова. На наш взгляд, выделенные В.Н. Дулгановой культурно-прагматические помехи, возникающие в межкультурной коммуникации, являются лакунами, поскольку культурно-прагматические отклонения являются следствием культурно обусловленных проблем понимания.

Общим является признание коммуникативного конфликта, вызванного помехами. При этом коммуникативный конфликт понимается исследователями не только как факт очевидного непонимания собеседниками друг друга, но и как скрытые (неосознаваемые) расхождения в идентификации значений, которые позднее могут обнаружиться в результатах практической деятельности. Еще А. Вежбицка подчеркивала лингвокультурный конфликт двух разных «подходов к жизни», двух «ориентаций», «этнофилософий». Ю.А. Сорокин указывает на конфликтемы и гармонемы.

Большим вкладом в изучение лингвокультурного конфликта являются работы А. А. Ривлиной. Обосновывая свое собственное видение и понимание основных вопросов столкновения языковых картин мира, А.А. Ривлина использует понятие «горячие точки», передавшее сущность ее позиции. Рассматривая иноязычные заимствования, А. А. Ривлина уточняет, что они выражаются через особые, часто отрицательные и/ или иронические коннотации заимствованных единиц, которые отсутствуют в языке-источнике, но появляются в принимающем языке и маркируют данные единицы как чужие, подсознательно отвергаемые. В качестве примера А.А. Ривлина приводит конфликт ценностных доминант русскоязычной и англоязычной культур. В этом плане Г.В. Елизарова, ориентируясь на концепцию В.Б. Гудикунста, Кима, отстаивает следующую позицию: «Конфликтные ситуации вызывают состояние

неопределенности. Новые, нестандартные, нетипичные ситуации общения характеризуются высоким уровнем неопределенности.

Итак, мы возвращаемся вновь к идее Г.В. Елизаровой о возможности взаимопонимания при снижении или избавлении от состояния неопределенности. Для этого требуется получение информации, ее переработка и интерпретация. Исходя из этого, в качестве методологического инструментария для интерпретации лагун предлагается рассматривать лингвокогнитивный подход к исследованию лагуны. Исследование лагуны в контексте лингвокогнитивного подхода должно быть сосредоточено на выявлении когнитивных аспектов коммуникации. В связи с этим В. В. Красных осуществляет попытку анализировать два основных «плана» коммуникации: 1) общелингвистический аспект (релевантен для любого коммуникативного акта, любого языка, на котором осуществляется общение); 2) национально-детерминированный компонент. По признанию В.В. Красных, данный подход позволяет анализировать универсальное в коммуникации, выявлять и описывать ее национально-специфические составляющие.

Лингвокогнитивный подход В.В. Красных уточняет причину возникновения проблем в общении представителей разных культур: индивидуальные когнитивные пространства коммуникантов не совпадают, не пересекаются, т.е. знакомство коммуникантов с одними и теми же элементами когнитивной базы того национально-лингвокультурного сообщества, на языке которого осуществляется общение. В этом смысле Е. Ф. Тарасов убежден, что главная причина непонимания при межкультурном общении – не различие языков, а различие национальных сознаний коммуникантов, которые, с нашей точки зрения, вызывают сбои, колебания. В поддержку утверждения Е.Ф. Тарасова о специфическом различии национальных сознаний

коммуникантов как источнике возникновения этнической напряженности высказываются Н.В. Дмитрюк, Н.А. Сандыбаева, Г.А. Ахметжанова. С точки зрения Е.Г. Проскурина лакуна есть отсутствие у носителя иного языка и культуры необходимой когнитивной модели/схемы/структуры. Как вследствие, выявляются при сопоставлении когнитивных баз конкретных лингвокультурных сообществ единицы, присутствующие в одной когнитивной базе, но отсутствующие в другой.

В итоге обосновывая общелингвистический и национально-детерминированный аспекты коммуникации, В. В. Красных приходит к выводу: культура национально-лингво-культурного сообщества есть совокупность культурных предметов, которые даны каждому конкретному члену сообщества для распредмечивания.

Таким образом, анализ различных подходов к определению теоретических основ лакуны позволяет обозначить предпосылки, обуславливающие необходимость изучения лакуны. Согласно герменевтическому подходу изучение лакуны предполагает исследование, которое начинается с понимания и далее продолжается интерпретацией. При лингвокогнитивном подходе соблюдается приоритет познания. Герменевтический и лингвокогнитивный подходы взаимодополняют друг друга, помогая постичь лакуну в разных модусах ее проявления. Лакуна рассматривается как реально существующее культурное различие между разными людьми, как внекодоезнание, вызывающее затруднения, отклонения, сбои в коммуникации.

2. Исследовательские программы лакуны в переводоведении, этнопсихолингвистике, лингвокультурологии, философии постмодернизма

Историографический обзор основных научных концепций дает представление и о множестве, и о разнородности существующих трактовок понятия лакуны. Так, в исследовании лакун можно выделить следующие направления поиска: философское – Ж. Деррида, Ю. Кристева, М. Фуко, В.П. Гриценко, Т. Данильченко и др.; лингвистическое – Ж. Вине и Ж. Дарбельне, Г.В. Быкова, А.О. Иванов, В.Л. Муравьева, З.Д. Попов, И.А. Стернин, В.И. Жельвис и др.; этнопсихолингвистическое – Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина, Г.А. Антипов, О.А. Донских, И. Ю. Марковина, А. Н. Крюков, Е.Н. Соловова, Д.Н. Макарова, Е. Денисова-Шмидт и др.; лингвокультурологическое – Л.И. Гришаева, М.К. Попова, В.В. Красных, А.А. Ривлина, Н.Л. Глазачева и др.

Принципиальным этапом в эволюции понятия «лакуна» в постмодернистской философии могут считаться следующие особенности постмодерна: отказ от построения единой системы культурных норм в пользу множества частных нормативных систем, вместо согласия и порядка – различия, разногласие, противостояния, не общезначимость, а условность или метафоричность, не существование, а разные, в том числе и «непрозрачные» реальности.

В культуре постмодерна значительное место занимает феномен отсутствия. Среди основных понятий, специфических для постмодернистской философии, можно выделить «знак», фиксирующий принцип «наличия отсутствия» объекта или явления. Согласно теории, развитой впоследствии Ж. Деррида и Ю. Кристевой, знаковая культура рождается из потребности обозначить отсутствие предмета. Следует подчеркнуть, что лакуна как феномен отсутствия в дискурсе исследуется М. Фуко. М. Фуко, рассматривая специфику дискурсивных анализов в работе «Археология знания», выделяет многоуровневость и разрывность в организации дискурса, наличие в нем «глубинных структур» и «осадочных пластов». О

глубинных структурах дискурса и их диалогизме утверждает и Ю. Кристева. Высказывание как элементарная общность дискурса, по мнению М. Фуко, невидимо и несокрито. Несокрытый и невидимый уровень высказывания находится на пределе языка. М. Фуко призывает стремиться изучать высказывания «на границе, которая отделяет их от того, что не сказано, в инстанции, которая заставляет их появиться в своем отличии от всех остальных».

С точки зрения философа, дискурсивная формация является распределением лакун, пустот, отсутствий, пределов и разрывов. Как отмечал сам французский мыслитель: «Речь идет не столько о том, чтобы обнаружить у индивида чувства и мысли, позволяющие ассимилировать его с другими и сказать: вот это – грек, или это – англичанин; сколько о том, чтобы уловить все хрупкие, единичные, субиндивидуальные метки, которые могут пересечься и образовать сеть, недоступную для распутывания». М. Фуко пользуется термином «лакунарная множественность переплетенных объектов». Таким образом, в работе «Археология знания» М. Фуко приходит к выводу, что встречающиеся в высказываниях «пропуски» или пробелы не следует путать с «потайными» значениями высказывания.

Таким образом, выявленные М. Фуко особенности дискурса: «глубинные структуры», «осадочные пласты», «лакунарная множественность переплетенных объектов», субиндивидуальные метки, «пропуски», пробелы представляют собой определения лакуны в теории постмодернизма. В целом постмодернистский подход углубляет представление о лакуне, дополняя ее специфическим компонентом знания, особенными открытиями. Отсюда культурны проявления: лакуна как фактор, искажающий познавательный процесс и познавательную

деятельность и порождающий гносеологические иллюзии и ошибки, например, в переводе.

В изучении лакуны мы должны учитывать лингвистическое направление, в силу которого лакуна изначально исследовалась. Большое значение для изучения природы лакуны имели труды зарубежной лингвистической мысли К. Хейла, Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне. Термин «лакуна» был впервые введен французскими лингвистами Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне, которые определяли лакуну как явление, имеющее место тогда, когда у слова одного языка отсутствует эквивалент в другом языке.

Проблема лакун в сравнительно-сопоставительном аспекте отразилась в работах Ю.С. Степанова, Л.С. Бархударова, В. Гака, Л.К. Байрамовой, Н.В. Габдреевой, Н.Б. Мечковской, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Е.Н. Цейтлин, В.А. Погосян, И.Ю. Марковиной, В.И. Жельвиса и др.

И. Ю. Марковина считает, что лакуны в самом общем понимании фиксируют то, что есть в одной локальной культуре, и чего нет в другой. Развитие идей И.Ю. Марковиной нашло отражение в исследовании В. И. Жельвиса, который определял лакуну как то, что в одних языках и культурах обозначается как «отдельности», а в других «не сигнализируется, то есть не находит общественно закрепленного выражения», и указывал на связь языковых лакун с отсутствием соответствующего понятия в культуре данного народа. Позднее В. И. Жельвис в соавторстве с И.Ю. Марковиной уточняют лакуны как несоответствия, возникающие при сопоставлении понятийных, языковых и эмотивных категорий двух локальных культур.

Таким образом, лингвистическое направление к осмыслению лакуны требует понимания ее как: 1) Безэквивалентной лексики. Л.С. Бархударов, классифицируя безэквивалентную лексику,

выделяет группу «случайных лакун», включая в нее единицы словарного состава одного из языков, «которым по каким-то причинам нет соответствия в виде слов или устойчивых словосочетаний другого языка»: в английском языке нет таких соответствий русскому слову «погорелец», в русском языке – английскому слову «glimpse».

В этом отношении З.Д. Попов, И.А. Стернин, Б. Харитонова, обратив внимание на сопоставимость языков, под лексической лакуной понимают отсутствие какой-либо лексической единицы в языке при ее наличии в другом языке или языках.

В исследованиях В.Л. Муравьева получены результаты, подтверждающие высказывания вышеназванных ученых. В.Л. Муравьев замечает, что лакунами следует признать те иноязычные слова, отсутствующие в данном языке, которые выражают специфичное понятие, т.е. понятие, для выражения которого в данном языке не существует ни слова, ни фразеологизма. В рамках этой концепции В.Г. Гак объясняет лакуны как «пропуски в лексической системе языка, отсутствие слов, которые должны были присутствовать в языке, если исходить из его отражательной функции». Термин «лакуна» удобен в тех случаях, когда речь идет о необъяснимом отсутствии какого-то понятия в языке перевода. На наличие лакун во французском языке указывает Ю. С. Степанов: «все случаи безэквивалентной лексики также можно рассматривать как лакуны».

Таким образом, обобщая определения лакун как безэквивалентной лексики уместно отметить попытку обозрения природы лакун исследователями (Ю.С. Степанов, С.Н. Мечковская, В.Л. Муравьев, Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А.Т. Хроленко, А.О. Иванов), которая позволяет приблизиться к

пониманию лакуны как словарных пробелов, «белых пятен» на семантической карте.

Лакуна с позиции лингвистики может обнаружить себя в форме пустоты, нулевого коррелята, «темных мест». Л.К. Байрамова определяет лакуну как нулевой коррелят, пустоту. Однако Л.К. Байрамова выделяет лакунарную единицу и лакуну, обозначив ЛК как принадлежность одного языка, а Л – принадлежность другого. Введение и разграничение Л.К. Байрамовой вышеназванных понятий иллюстрируются следующими примерами: нем. Finger имеет в татарском языке эквивалент бармак («палец»), но в то же время оно является лакунарным, так как в татарском языке не дифференцируются понятия: «палец на руке» (нем. Finger) и «палец на ноге».

Лакуна, по мнению Г. В. Быковой, есть пустота, брешь в лексической системе того или иного языка. Значимое отсутствие номинативных средств в языковом образе (картине) мира – лексическая лакунарность – представляет собой лингвopsихологический феномен: в условиях одноязычной ситуации общения он как бы не замечается носителями языка, оставаясь за пределами «светлого поля» сознания. Лакуна – пустые, незаполненные места в лексической системе языка. К близким выводам приходят А.Т. Хроленко, называя лакуну «умалчиванием в языке на уровне лексики». Г.В. Быкова выделила содержательные основания, по которым выделяются семиотические и семасиологические аспекты изучения лакун. Лакуна, как отмечает Г. В. Быкова, с точки зрения семиотики – это означаемое при отсутствии означающего в виде однословного наименования; в аспекте семасиологии – это не материализованный фонетически и графически некий конструкт (концепт), набор сем, лишенный до поры до времени своего формата (лексемы); в ракурсе семиотики

– означаемое, способное существовать, а в большинстве случаев реально бытующее в языке как бы в ожидании своего означаемого, что обусловлено асимметрией языкового знака.

С этой позиции представляется возможным выделить лакуна как национально-специфическое расхождение в языках и культурах. Определение лакун как национально-специфических элементов культуры отражено в работах В.Л. Муравьева, С.Н. Мечковской, И.В. Томашевой, Н.В. Багрянской и др.

По мнению Н.Б. Мечковской, национально-культурное своеобразие лексики может проявляться не только в наличии серий специфических слов, но и в отсутствии слов для значений, выраженных в других языках. Такие «пробелы» называют лакунами. Этому подтверждение исследование Г.В. Быковой «Лакунарность как категория лексической системологии», где отмечается, что лакуны – «больше, чем какое-либо другое явление, отражающее национальную специфику того или иного языка». Лакуны рассматриваются как «национально-специфические элементы культуры, нашедшие соответствующее отражение в языке носителей этой культуры и языка в процессе коммуникации».

Вместе с тем Н.В. Багрянская рассматривает явление лакунарности / безэквивалентности как отражение национально-культурных факторов. Такие единицы обнаруживают национальные особенности концептуального отражения действительности разными народами. Как указывает И.И. Халеева, появляются национально-специфические индикаторы на уровне семантики. Представители русской культуры, не бывавшие в государствах Средней Азии (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан), выражают полное недоумение, когда слышат фразу «варенье из кишмиша». Для представителя русской культуры, территориально отдаленного от южного региона, кишмиш – это сушеный виноград. Южане же

употребляют в пищу свежий, сочный черный и белый кишмиш, не только ранний (июньский) и поздний (августовский).

Ученые предлагают характеризовать лакуну в качестве этноэидемы, ксенонима. В представлении В.Л. Муравьева, В.В. Кабакчи лакуна проявляется в этноэидеме. В.В. Кабакчи выделяет такое присущее этноэидеме свойство, как отражение специфики этнической культуры. Разделяя взгляды Л.А. Шеймана, Н.М. Варича на происхождение этноэидемы, А.Г. Антипов трактует этноэидему как сквозной образ национальных картин мира различных этнических общностей. Чуть позже проблема лакуны как ксенонима активно обсуждается в зарубежной лингвистике Х. Шредером. Рассматривая в работе «*Lacunae and the Covert Problems of Understanding Texts from Foreign Cultures*» соотношение вышеназванных понятий, Х. Шредер видит разницу между лакунами и ксенонимами, которая заключается в следующем: «лакуны связаны с исходным текстом и приводят к проблеме восприятия читателем или слушателем другой культуры, который пользуется своей схемой интерпретации, что в дальнейшем приводит к ошибкам. Ксенонимы связаны с продуктом инокультурного текста и воспринимаются коммуникантами как ошибка продукта в коммуникации. В итоге Х. Шредер приходит к выводу: «Лакуны и ксенонимы есть две стороны одной медали».

В дальнейшем появилась другая трактовка понятия «лакуна» – она приобрела особую популярность после опубликования книги Г.В. Быковой «Лакунарность как категория лексической системологии»: лакуны есть виртуальные единицы, идеальные сущности, семемы, не имеющие физического воплощения в виде лексем, но способные проявиться на уровне синтаксической объективации в случае коммуникативной релевантности концепта. В пользу данного обобщения Г.В. Быкова

приводит мысль В.И. Жельвиса о том, что лакуна есть синтаксически объективированное идеальное содержание типа понятия, представления или гештальта, входящее в суждение и представленное либо а) громоздким словосочетанием, либо б) компактным сочетанием, либо в) развернутым описанием, «которое развернуто не для того, чтобы наиболее полно определить нечто известное, а за неимением подходящего понятия». К примеру, ситуация из произведения Л. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца»: «Исхитрись-ка мне добыть То-Чаво-Не-Может-Быть! Запиши себе названье, чтобы в спешке не забыть». Словосочетание То-Чаво-Не-Может-Быть является виртуальной единицей, лакуной для реципиента.

Попытку теоретически обосновать лакуну как синоним специфических реалий, процессов, состояний, противоречащих узуальному опыту носителя иного языка и культуры предпринимают Н.Д. Глазачева, А.О. Иванова, О. Титова, Х. Шредер, Э. Гродзки, Ш. Рехман, Т.Ю. Данильченко и др. По мнению указанных авторов, лакуны как особые явления, состояния и ситуации сигнализируют о различии национальных картин мира, мировоззрений, ценностей. В итоге лакуны приводят к информационному многообразию, «противоречиям» (Т.Ю. Данильченко).

Естественно, что можно представить и иные варианты лакуны как совокупности текстов, требующих внутритекстовой и внетекстовой интерпретации. Принимая во внимание идеи Ю.А. Сорокина, Н. И. Конрад рассматривает лакуну как некоторую совокупность текстов, требующих внутритекстовой и внетекстовой интерпретации.

Зарубежные последователи Ю.А. Сорокина Эрика Гродзки, Шараф Рехман в статье «Investigating Cultural Differences in

Advertising Creative Strategy», определяя лакун как элементов (процессов, условий (состояний) текстов на примере международной рекламы, конкретизируют ряд особенностей лакуны:

а) Человек, сталкивающийся с текстом другой культуры, не может понимать или схватывать текст, поскольку текст, содержащий лакуны, очень усложнен для него. Он имеет отсутствующую информацию и таким образом, коммуникант должен стремиться понять отсутствующие элементы;

б) Понимание текстов (другие положения (позиции) и значения) есть активный и перспективно-связанный процесс строительства, «имеющего смысл» вне текста для читателя;

в) Лакуны не имеют никакого устойчивого значения. Их значение субъективно по природе и основано на догадке реципиента. Значение может быть определено по-другому в зависимости от конкурирующей индивидуальной перспективы, субкультуры, или другой национальной культуры;

г) Можно выявить содержание лакун в субъективном психологическом расположении лакун, коммуникативных стратегиях и в культурном пространстве.

д) Их структура может быть дифференцирована в зависимости от уровня общения, межкультурного основания, также как в абсолютных и относительных условиях (состояниях).

е) Культурные определенные (удельные) значения лакун и других текстовых элементов аксиологичны по форме (А. Эртельт Фиит). Человек, сталкивающийся с лакуной, должен начинать понимать новую ситуацию, даже если та ситуация кажется странной или неуклюжей. Он должен изучить различную систему символа, оценивать системную, эстетическую систему, чтобы начать компенсировать лакуны.

Примечательно, что особенности лакуны, выделенные Э. Гродзки, Ш. Рехман, приводят к пониманию лакуны как процессов, состояний, требующих интерпретации для представителя другой культуры. Между тем необходимо отметить исследование С.В. Власенко, углубляющее понимание лакуны в данном ракурсе.

Основным в этих исследованиях являются определение специфики лакуны, поиск коррелятов ее проявлений: аксиологичность лакуны (Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, Э. Гродзки, И. Панасюк и др.). Лакуна всегда включена в более широкие социальные и культурные контексты. Требуется такой подход, чтобы анализировать лакуны в контексте восприятия и последующего поведения реципиента, иными словами, где лакуна будет рассматриваться как единица восприятия.

Логика позволяет рассмотреть лакуну в этнопсихолингвистической парадигме. Методологическое обоснование лакуны получила в трудах Ю.А. Сорокина, стоявшего у истоков этнопсихолингвистического направления. В рамках этого направления Ю.А. Сорокин разработал теорию лакун, которая рассматривает лакуны как различия между лингвокультурными общностями, свидетельствующие об избыточности или недостаточности опыта одной лингвокультурной общности относительно другой. Главная идея этой теории базируется на сформулированном Ю.А. Сорокиным методе установления лакун. Метод установления лакун в тексте получил развитие в работах отечественных исследователей (И.Ю. Марковина, Г.В. Быкова, В.И. Жельвис, В.Л. Муравьев, Л.К. Байрамова, И.А. Стернин, З.Д. Попова, А.А. Ривлина и др.), зарубежной науке – в работах А. Эртельт-Фиит, Х. Шрёдера, И. Панасюка, Э. Гродзки, Е. Фэрэзтин, А. Люкса, Дж. Джоловиц и т.д.

Согласно Ю.А. Сорокину, на сегодняшний день можно выделить два подхода к методу установления лакун в тексте: 1) методу установления лакун в тексте характеризуется как метод сопоставления понятийных, языковых и эмотивных категорий двух локальных культур. Ю.А. Сорокин трактует данный метод следующим образом: «Воспринимая текст, реципиент использует набор правил, присущих только его языку и культуре. Предложенные ему правила некоторого иного языка, реализованные в некотором тексте, относятся к другому, не его собственному языку, и к другой, не его собственной культуре, и опознаются как непонятные или ошибочные». Ю.А. Сорокин предполагает, что все, интерпретируемое реципиентом как ошибочное, непонятное или странное, является специфическим сигналом присутствия в тексте языковых феноменов и наличия внеязыковых коррелятов, соотнесенных с понятийной структурой и психическим типом, неидентичными соответствующим характеристикам реципиента; 2) инвариант и вариант некоторого вербального поведения, присущего той или иной локальной культуре. Под инвариантом понимается вся совокупность такого вербального поведения, которое является общим для ряда лингвокультурных вариантов поведения. В свою очередь, эти два подхода объединяют отдельные теории и концепции, которые развиваются многими учеными.

Основываясь на этих положениях и проводя подробный анализ особенностей лакун, Ю.А. Сорокин обобщает данный метод как выявление различий и совпадений инвариантного и вариантного характера в наборе правил вербального поведения. Более того, установление лакун Ю.А. Сорокин предлагает осуществлять исходя из метода типологического сопоставления двух языков/ пар языков друг с другом.

В рамках этнопсихолингвистического направления вслед за Ю.А. Сорокиным Г.А. Антипов, О.А. Донских, А.Н. Крюков уточняют лакуну как явление, принадлежащее коннотации, понимаемой как набор традиционно разрешенных для данной локальной культуры способов интерпретации фактов и процессов вербального поведения. В наборе правил вербального поведения обнаруживаются различия и совпадения инвариантного и вариантного характера .

В данном направлении формируется понимание лакуны как:

1. следствие неполноты или избыточности опыта лингвокультурной общности, вследствие чего не всегда возможно дополнить опыт одной лингвокультурной общности опытом другой;
2. в этнопсихолингвистической парадигме лакуна понимается как способы существования смыслов, традиционно функционирующих в той или иной локальной культуре.

В этом плане Д. Н. Макарова, изучая термин «лакуна» в более широком смысле, указывает на все явления, требующие дополнительного пояснения при контакте с иной культурой.

В итоге исследования этнопсихолингвистического характера дополняются особенностями лакуны, предложенными Ю.А. Сорокиным и А.Г. Антиповым. К ним относят непонятность, непривычность (экзотичность), незнакомость (чуждость), неточность или ошибочность. Этнопсихолингвистический подход, с нашей точки зрения, дал возможность раскрыть способы и механизмы проявления лакуны в национальной культуре и межкультурном взаимодействии. В свою очередь разработка теории лакун послужила мощным стимулом для возрастания интереса к проблеме лакун.

Достаточно сказать, что в контексте теорий лакун подготовлена преобладающая часть исследований, опубликованных с 1980 года по настоящее время.

Не исключая совершенно лингвистического содержания лакуны, мы склонны считать, что, несмотря на различия, порой весьма существенные, между рассмотренными концепциями лакун, их объединяет то, что все они не исходят из положений теорий межкультурной коммуникации, а остаются в рамках лингвистического и этнопсихолингвистического понимания. Причем если в одних теориях (Г.В. Быкова, О.А. Огурцова, Б. Харитонова, Ю.С. Степанов, Л.С. Бархударов, А.О. Иванов и др.) акцент делается на лингвистические особенности лакун, то, например, в теории лакун Ю.А. Сорокина, И.Ю. Марковиной и Г.А. Антипова имеет место этнопсихолингвистический аспект. Последние исследования указывают на смещение исследовательского интереса с лингвистического и психолингвистического на лингвокультурологические аспекты лакуны, где наиболее актуальной становится проблема раскрытия лингвокультурной сущности лакуны. Таким образом, совершенно справедливо увязывать формирование лакуны с лингвокультурой.

В данном контексте активизируется лингвокультурологическое направление. Методологической базой для изучения лингвокультурной сущности лакун становятся работы Ю.А. Сорокина.

2. Теория лакун Ю.А. Сорокина и теория культурем А. Оксаара. В соответствии с положением Ю.А. Сорокина о лакуне, можно сформулировать основные задачи изучения лакуны с позиций лингвокультурологического подхода, которые заключаются в том, чтобы определить: 1) какова роль лакуны в межкультурном взаимодействии, 2) как проявляется лакуна в качестве

лингвокультуремы. Решение этих задач требует интеграции таких теорий, как теория лакун Ю.А. Сорокина, И. Ю. Марковиной и теория культурем Э. Оксаара.

На наш взгляд, теория лакун основывается на следующих принципах лингвистической теории культурем Э. Оксаара, обозначающей различные способы поведения во взаимодействии:

1) *Принцип культурности языка.* Язык культурно относителен и является частью культуры;

2) *Принцип целостности и делимости.* Э. Оксаар подчеркивает изоляцию языковых особенностей коммуникантов и социокультурный контекст, которые могут вызвать значительные трудности интерпретации. Ученый акцентирует внимание на изолировании вербальных особенностей при анализе устного языка, так как они могут существенно оказывать влияние через параязыковые, невербальные и экстравербальные элементы.

3) *Принцип динамики и изменения.* Изменения в языке и социальных структурах служат причиной отклоняющегося (различного) поведения. В результате рассматривается с точки зрения норм какошибка и может быть основой появления новых норм.

4) *Принцип гетерогенности* – человек всегда должен исходить из гетерогенности, так как не существует гомогенных групп. Впечатление о коммуниканте складывается по его возрасту, полу и социальной биографии, и поэтому способы поведения интерпретируются по-разному. Э. Оксаар подчеркивает динамичность индивидуальных различий в языке.

Исходя из представления о культурах как бихевиорах, которые могут быть «вербальными, параязыковыми, невербальными и экстравербальными», Э. Оксаар последовательно приходит к положению о «поведенческой» культурности языка. Не

соглашаясь с Э. Оксааром в том, что вся культура должна быть сужена до «поведения», П. Н. Донец обозначает монизм понятия «культурема», то есть не учитывает контрастивно-культурологическую подоплеку феномена межкультурной коммуникации.

Следует подчеркнуть, что дальнейшее развитие теории культурем находит выражение в исследованиях А. Эртельт-Фиит в контексте теории лакун. Лакуны, по мнению ученого, это различия, возникающие в каждом индивидуальном критическом инциденте исвязанные с определенными культурными дискурсами. Продолжая эту мысль, Э. Гроздки трактует теорию лакун как метод систематизации культурных различий. Эти различия вызывают непонятность, непривычность (экзотичность), незнакомость (чуждость), неточность или ошибочность в коммуникации.

Подводя предварительный итог интеграции теории лакун и теории культурем, необходимо отметить, что выделение различных характеристик лингвокультурологических основ лакуны: наличие культурного компонента семантики; ее социальная и культурная обусловленность, имеет принципиальное значение. Лакуну можно определить как лингвокультурему. Термин «лингвокультурема», введенный В. Воробьевым, обозначает комплексную межуровневую единицу, которая представляет собой единство лингвистического и экстралингвистического содержания. В. В. Воробьев выявляет специфику лингвокультуремы, отраженной в сложной структуре: план содержания дробится на языковое значение и культурный смысл. Лингвокультурема обладает коннотативным смыслом. В. А. Маслова, придерживаясь позиции В. В. Воробьева, заявляет, что лингвокультурема есть совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак. В этом смысле определение В. А.

Масловой противоречит позиции Л.Г. Ведениной, которая представляла себе лингвокультуре́му как лингвокультурологическую реалию, которая наличествует в одной культуре и отсутствует в другой».

Следует отметить, что базовой идеей лингвокультурологического направления является определение лакуны в качестве лингвокультуре́мы, обуславливающей различия, и как вследствие становится основной причиной разногласий, противостояний в процессе взаимодействия различных культур.

Таким образом, лакуна имеет четыре источника развития – обращение исследователей к философии постмодернизма, лингвистике, этнопсихолингвистике, лингвокультурологии. Благодаря созвучности современных методологических поисков и находок отечественных и зарубежных направлений лакуна представляет собой лингвокультуре́му. Лингвокультурологическое осмысление лакуны открывает новые перспективы и возможности осмысления межкультурного взаимодействия. Лингвокультурологическая традиция изучения лакуны, выраженная в интеграции теории лакун Ю.А. Сорокина и теории культу́рем А. Оксаара позволяет осмыслить лакуну в целостности, во всем многообразии способов ее бытия, увидеть наиболее фундаментальные основания лакуны. Поэтому исследование лакуны в контексте вышеназванных парадигм должно быть сосредоточено на выявлении типов лакун.

Вопросы для обсуждения:

1. Дайте характеристику лакуны. Раскройте природу и сущность лакуны как проблему лингвистики и лингвокультурологии
2. Укажите подходы к изучению лакуны. Приведите высказывания лингвистов о лакуне как пропуске, пробела. Раскройте основные

положения этих высказываний. Почему Ю.А. Сорокин отстаивает мысль о лингвокультурной природе лакун?

3. Может ли лакуна возникнуть и существовать вне межкультурной коммуникации? Иллюстрируйте свой ответ примерами. Возможно ли успешное межкультурное взаимодействие без лакун?

4. Определите соотношения между лакуной и безэквивалентной лексикой. Покажите ведущую роль лакуны в процессе межкультурного взаимодействия. Чем обуславливается национально-культурная специфика лакуны?

5. Определите место теории лакун в системе гуманитарного знания.

6. Раскройте содержание понятия «культурема»

7. В каком соотношении находятся лакуна и культурема? В чем заключается специфика интеграции теории лакун Ю.А. Сорокина и теории культурем А. Оксаара?

Рекомендуемая литература

1. Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности [Текст]: в 2 ч. / под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой. – Ч. 2 – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. – 316с.

2. Воронкова И.С. О понятиях «экзотизмы» и «варваризмы» [Текст] // Вестник ВГУ, Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2006. – №2. – С.77-78.

3. Гомбоева М.И., Дашидоржиева Б.В. Лакуна в условиях трансграничного взаимодействия // Гуманитарный вектор. № 3 (31). С. 145-151.

4. Дашидоржиева Б.В. Введение в лакунологию. - Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. 112 с.

5. Садохин, А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Высш. шк., 2005. – 310 с.

6. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология. – Самара.: Русский лицей, 1994. – 94 с.

7. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 184 с.

8. Шунейко А.А. Лакуна и нулевой знак // Лакуны в языке и речи: сб. науч. трудов / под ред. Ю.А. Сорокина, Г.В. Быковой. – Благовещенск: Изд-во БПГУ, 2005. – Вып. 2. – С. 86-94.

9. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 2001. – 656 с.
10. Рябина Н.И. Элиминирование лакун в повседневной культуре старообрядцев Хабаровского края // Лакуны в языке и речи: сб. науч. тр. / под ред. Ю.А. Сорокина, Г.В. Быковой. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. – Вып. 2. – С. 69-76.
11. Ривлина А.А. «ПРОБЛЕМЫ» VS. «ВЫЗОВЫ»: компенсация лингвокультурной лакуны // Лакуны в языке и речи: сб. науч. тр. / под ред. Ю.А. Сорокина, Г.В. Быковой. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. – Вып.2. – С. 61–68.